

АРТЕФАКТ

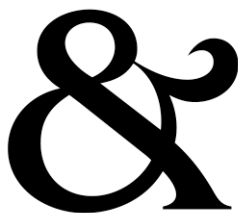

ДЕТЕКТИВ

**Читайте романы
Ольги ТАРАСЕВИЧ
в серии «Артефакт & Детектив»:**

Ожерелье Атона
Смертельный аромат №5
Проклятие Эдварда Мунка
Плачущий ангел Шагала
Крест Евфросинии Полоцкой
Роковой роман Достоевского
Копия любви Фаберже
Копье Судьбы
Последняя тайна Лермонтова
Тайна перстня Венеры
Кольцо леди Дианы
Сокровище князей Радзивиллов
Подарок Мэрилин Монро
Альбом страсти Пикассо
Золотой венец Трои
Оберег Святого Лазаря
Талисман Михаила Булгакова

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Ольга ТАРАСЕВИЧ

**Смертельный
аромат №5**

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 19

Оформление серии *С. Курбатова*

Тарасевич О. И.

Т 19 **Смертельный аромат № 5: роман / Ольга Тарасевич.** — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-699-66439-9

У них было все — молодость, шарм и заветные 90-60-90. Они смотрели на мир с обложек глянце-вых журналов и мечтали покорить лучшие подиумы. Но девочек из модельного агентства «Supermodels» ждала трагическая судьба. Одна за другой они умирали в полшаге от славы, за пять минут до кастинга в знаменитую империю моды. Писательница Лика Вронская, хозяйка модельного агентства Ирина Суханова, следователи пытаются выйти на след неуловимого убийцы. И никто не знает, что эта запутанная история началась давным-давно, когда великая Габриэль Шанель придумала маленькое черное платье и весь мир сошел с ума от аромата ее именных духов...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-66439-9

© Тарасевич О.И., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Глава 1

1

Компьен, 1907 год

К

око! Коко, где ты, мой цыпленочек?!

Громовой голос Этьена Бальсана раздается с парадной лестницы замка Руайо. Пронизывает широкий холл с невысокими диванчиками. Огибает мраморные античные скульптуры, заглушает шепот стеклянных струй фонтана.

— Коко!

Звуки приближаются, они уже в длинном коридоре первого этажа. Габриэль Шанель различает даже глухое бряцание сапог для верховой езды и с отчаянием накрывает темноволосую голову подушкой. Ей совершенно не хочется видеть Этьена.

...Прошли те времена, когда она, распевая со сцены «Ла Ротонд», выглядывала за столиком милое круглое лицо с небольшими усиками. Потом, когда с Муленом и провинциальным кафешантаном было покончено и Габриэль, как мотылек, устремилась на огонь славы *настоящей* певицы, именно Этьен дал ей денег на пошив одежды для путешествия в Виши. Толстой пачки ассигнаций даже хватило на оплату небольшой комнатки и аренды корот-

ких платьев с блестками, неизменных атрибутов прослушивания «пижонки»¹. Блестки осыпались при малейшем движении. Габриэль наблюдала за серебряным дождем, и он смывал горечь отказа в ангажементе.

Когда деньги Этьена закончились, пришлось, как в Мулене, вновь подрабатывать портнихой. Но благодарность к открытому прямолинейному и чуть грубоватому пехотинцу теплилась в сердце. Нечастые визиты Этьена в Виши радовали Габриэль. Он смущался этой радости, особенно когда не привозил подарка или не мог оставить денег. Габриэль скучала по *нему*...

И вот они вместе. Вместе?! Этьен поселил ее в самой жалкой комнате замка. Она одевается у портного, который шьет одежду только конюхам и крестьянам. Любовник пресекает все попытки заговорить о женитьбе. Бальсана интересуют две вещи — скачки и...

— ...Коко! Цыпленочек мой!

Габриэль сонно потянулась, изображая пробуждение, отбросила от лица непослушные выющиеся пряди и подумала: «До чего не люблю это прозвище! Да, я худа, как цыпленок. Но как же до сих пор досадно вспоминать эти «Ко Ко Ри Ко» и «Qui qu a vu Сосо»².

Этьен быстро сорвал с себя одежду, вслед за батистовой рубашкой и жилетом швырнул на пол черные галифе. Габриэль зачарованно наблюдала за ним, уже тяжело дышащим, стремительным, как животное, в своей неутоленной страсти.

¹ Одно из ампула певиц кафешантанов.

² «Кукареку» и «Кто видел Коко?» — названия песен, которые исполняла в молодости Габриэль Шанель.

Знакомые теплые губы вмиг растворили терзавшую ее обиду.

— Моя малышка... Моя красавица...

Он часто произносил эти слова, к ним уже можно было привыкнуть, но глаза Габриэль всегда наполнялись слезами. В такие моменты казалось: рядом с ней мужчина, который нежен и ласков. Он любит ее. Пьянящие поцелуи. Сладкий шепот. Так бывает. В это сложно поверить. Сложно — потому что с самого детства в головке Габриэль придумывались сотни историй о любви. Но она видела лишь, как рыдала мама, вечно беременная, постоянно уставшая: «Альбер, не уезжай! Возьми меня с собой!» Бормоча «Вечно ты ноешь, Жанна», отец уходил, и его красивое лицо делалось надменным. Таким же красивым, надменным и равнодушным оно было после смерти мамочки. Скрипела простая телега, которую волокла тощая старая кобыла. Габриэль мечтала: папа привезет их с сестрой в новый красивый дом. Телега остановилась у ворот приюта.

— Моя малышка...

Какое наслаждение — шепот Этьена, крепкие объятия, влажная от пота спина. Бальсан любит ее каждый день. Он любит ее!

Мысли закончились, и Габриэль провалилась в черную дурманящую ночь. Она падала, исчезала, обо всем забыла, ничего не понимала...

Остывающая, умиротворенная, Габриэль почти не почувствовала благодарного прикосновения губ к щеке. Этьен, нимало не смущаясь своей наготы — он никогда не стеснялся, в его поведении было столько завораживающей естественности, — подошел к туалетному столику. И, ловко приоткрыв портсигар, извлек сигарету и закурил.

Габриэль с досадой закусила губу. Ей не нравилось курить, как не нравились скачки. Она курила.

Изображала из себя лихую наездницу и даже заказала себе у удивленного портного в Круа-Сент-Уан галифе. Слава господу, Руайо — не Париж, где недавно полиция задержала двух мадемуазель, осмелившихся совершить велосипедную прогулку в шароварах. Здесь нет никого, кто бы помешал Габриэль садиться на лошадь в одежде, которая предназначена для верховой езды! А Этьен... Он обожал, когда тонкий профиль «малышки Коко» окутывал сигаретный дым. И приходил в восторг от того, что на ипподроме его спутница — не просто мечтательная зрительница. Пришлось научиться дымить сигаретой и разбираться в лошадях. Пусть так. Все, что угодно, лишь бы перестать быть одной из *этих*.

«Может, даже хорошо, что Этьен не дает мне денег на наряды. Я одеваюсь просто и ничуть не напоминаю куртизанку. Но, с другой стороны, если Бальсан предпочитает не тратиться, а он не скуп, я точно знаю, он не скуп, — это означает одно. Я мало значу для него. Что же делать? Мне уже двадцать пять», — размышляла Габриэль, наблюдая за Этьеном.

Забыл предложить ей сигарету. Недоуменно вертит в руках маленькую соломенную шляпку. У Габриэль нет модистки. Да и не нравятся ей огромные шляпы, отделанные страусиными перьями, лентами и цветами, скрывающие лицо темной сеткой вуали. А вот на такую шляпку — простую, без украшений, подчеркивающую овал лица — внимания обращают куда больше.

Этьен положил канотье на столик и, выпуская колечки дыма, равнодушно заметил:

— Я получил письмо. Завтра, а может, даже и сегодня приедут Эмильена Д'Алансон и Алек Картер.

Габриэль резко поднялась на постели. Да, замок постоянно полон гостей. Тренеры, наездники, конезаводчики. Алек — понятно, чемпион, хороший спортсмен, на его счету немало побед. Но Эмильена! Эта женщина была любовницей Этьена. По слухам, они даже жили пару лет вместе. И вот она едет к нему в гости. Зачем?! По какому праву?!

Она сдержала упреки — горькие, обжигающие. Ей хватило сил улыбнуться и взять дешевый роман в яркой обложке.

Покидая комнату Габриэль, Этьен заметил:

— Никогда не видел особы, которая бы с таким удовольствием бездельничала.

— Бывали времена и похуже, — пробормотала под нос Габриэль. — И потом, еще ведь ничего не ясно. Даст бог, Этьен все же женится на мне.

Она умела себя успокаивать. А что оставалось делать? Ведь рядом с ней обычно не было никого, кто мог бы утешить в сложную минуту.

Книжные страдания виконта, влюбленного в очаровательную замужнюю герцогиню, удерживали внимание Габриэль больше часа. Горячие солнечные лучи, пробившись между складками плотной парусиновой портьеры, уже всю хозяйничали в скромной комнатке, возможно, бывшей прежде кельей монахини.

Да и вообще, своды огромного замка Руайо, несмотря на все переделки, сделанные по заказу Этьена, еще хранили атмосферу монастыря. Выбеленные стены в покоях Габриэль постоянно напоминали ей о монастырском приюте, в котором прошло ее детство. Только бывшая комната аббатисы была хороша и по-настоящему шикарна — просторная, обитая светло-голубым шелком, с большой кроватью, бархатный альков которой скрывал стоящее в изголовье распя-

тие. Но Этьен сделал вид, что не понял робких намеков своей «малышки Коко», и устроил ее в дальней тесной келье.

Отложив книгу, Габриэль позвонила в медный колокольчик. Франсуаза, толстая, вечно занятая хлопотами кухарка, как обычно, не пришла. Просьбы «этой вертихвостки хозяина», требовавшей по утрам кофе со сливками, казались ей не стоящими внимания.

Габриэль нехотя поднялась с постели, распахнула шкаф, в котором висело несколько костюмов и платьев, и улыбнулась.

Одежда придает сил и уверенности. Чистая, хорошо скроенная и очень простая одежда. Она доставляет такое удовольствие, что это оправдывает и заточение в Руайо, и сложные отношения с Этьеном, и обидное невнимание слуг.

В ее гардеробе лишь одно платье с корсетным лифом и длинной, украшенной оборками юбкой со шлейфом. К нему прилагается дурацкий зонтик, остроносые туфли с пряжками и шляпа с вульгарными цветами. Сопровождающая Этьена на ипподроме дама должна выглядеть соответственно. Никого не интересует, что в таком платье невозможно свободно передвигаться, что тугой лиф сдавливает грудь, а пряжки безжалостно натирают ноги. Впрочем, теперь еще грех жаловаться. Пышные воланы кринолинов и прикрепляющиеся к платью для создания пикантного силуэта турнюры остались в прошлом.

Зато остальные ее костюмы, пусть и сшитые деревенским портным, хороши и очень удобны. Габриэль выбрала простую белую блузку. Ах, сколько усилий потребовалось, чтобы объяснить портному: ей не нужно жабо, воротнички не являются непременным атрибутом блузы! Потом она достала притален-

ный серый жакет, напоминающий по покрою жокейский, но без отделки, и свободную прямую юбку.

Одевшись, чувствуя себя невероятно привлекательной, Габриэль заторопилась на кухню. Она миновала холл, прошла через комнату, оборудованную Этьеном для игры в сквош, и уже там уловила упоительные запахи *potée champenoise*¹. При всех своих недостатках Франсуаза, как истинная эльзаска, была отменной кулинаркой.

Невероятно — на столе уже стоял поднос с кофейником, кувшинчик сливок и чашка. Кухарка, небьющая в своем рабочем платье и повязанном поверх него фартуке, колола сахар.

Франсуаза расплылась в улыбке и воскликнула:

— Габи, ты уже встала! Добрый день!

Темные глаза кухарки светились любопытством. Вот в чем причина того, что она в кои-то веки решила приготовить «вертихвостке» кофе со сливками!

Габриэль устроилась за столом, взяла с накрытого салфеткой блюда румяный круассан. И, прихлебывая горячий ароматный кофе, великодушно поделилась подробностями о приезде гостей.

Услышав, что ожидается визит Эмильены Д'Алансон и Алека Картера, Франсуаза с облегчением перекрестилась распухшими красными пальцами.

— Пресвятая Дева Мария! Как хорошо. Приедут приличные господа, а не эта банда наездников со своими подругами! — обрадовалась она и стала ловко нарезать *jambon sec*². — После устроенной хулиганами битвы подушками горничная Мари полдня

¹ Свинина, окорок, колбасы и овощи, тушенные в шампанском.

² Эльзасская закуска из копченого окорока.

убирала спальни. А туфельки этих вертихвосток, прибитые к полу!

Габриэль расхохоталась, вспомнив милые проказы Этьена, в которых она с удовольствием участвовала. А ведь Франсуаза еще не знает, что, дождавшись, пока гости уснут, Этьен и Габриэль мазали безмятежно посапывающие лица кремом для бритья. Вот смеху-то было!

Заслышав звук подъезжающего экипажа, Габриэль отставила чашку и выглянула в окно. Любопытная Франсуаза тоже тотчас прильнула к стеклу.

По желтой дороге, окаймленной зелеными прямоугольниками полей и вековыми буками, взбивали пыль две тройки лошадей.

«Эмильена и Алек едут в разных экипажах? Как странно!» — подумала Габриэль, пулей вылетая из кухни.

На широких ступенях замка уже толпилось множество людей. Зоркий взгляд девушки различил Этьена, который, прикрыв глаза от солнца ладонью, вглядывался в даль. Лакей Жак, конюхи, садовник — все напряженно ждали, и даже любопытная хорошенькая горничная Мари украдкой выглядывала из-за колонны.

Габриэль казалось — ее сердце остановится от волнения. Сейчас она увидит ту женщину, с которой Этьен делил кров и постель. Она красива? Изысканна? Только бы Эмильена подурнела так сильно, чтобы Этьен не вспомнил о прежних чувствах!

Сердце не остановилось — оно забилось настолько сильно, что Габриэль стало трудно дышать.

Когда подъехали экипажи и Этьен помогал бывшей любовнице выйти и здоровался с ее молоденьким кавалером, Габриэль позабыла обо всем на свете. Из второго экипажа ловко выпрыгнул высокий

мужчина. Его темные зачесанные назад волосы чуть блестели от бриолина, а карие глаза смотрели так заинтересованно, ласково и... так неправильно, что Габриэль, почему-то вдруг задыхаясь, не смогла сделать и шагу навстречу гостям.

2

Омар, съеденный за обедом в обществе Папика, настойчиво рвался на свободу. Веста Каширцева прилежно делала глубокие вдохи и выдохи, стараясь предотвратить изгнание из организма дорогого полезного морепродукта. Подставляла лицо промозглому мартовскому ветру, влетающему в салон джипа через открытое окошко. И даже покрикивала на водителя Папика, белобрысого увальня Вадима, чтобы тот побыстрее проскочил пробку на Тверской.

Водитель, сочувственно посмотрев на побледневшее лицо девушки, с огорчением заметил:

— Ох, Веста. Уморишь ты себя! Совсем ведь не жрешь ничего. Так нельзя. Ты худая, как щепка! Зачем тебе этот твой подиум? Тебе что, Сергей Павлович мало денег дает? На жизнь ведь хватает?

...Шеф Вадима, он же крутой банкир Сергей Павлович Зорин, он же Папик, скупостью и правда не отличался. Куда уж еще и скупость к полному комплекту «достоинств»: лысине, округлому брюшку, почему-то всегда вонючим носкам и ревливой супруге. Если бы Папик еще жадничал — у него не было бы никаких шансов иногда прикасаться к Весте. Как девушка красивая, она прекрасно знала себе цену, и Папику приходилось раскошелиться. На квартиру в элитном жилом комплексе, на пучеглазенький «Мерседес», на бриллианты ко всем праздникам. Конечно, Веста предпочла бы видеть рядом

симпатичного веселого олигарха. Но что поделаешь: олигархов мало, красивых манекенщиц, актрис и певичек пруд пруди. Так что у молодых-богатых полный комплект и жен, и любовниц. Приходится пока довольствоваться старперами вроде занудного Папика. Но всю жизнь морщиться от сырного запаха носков и наваливающегося жирного брюха? Ужасная перспектива. Чтобы подыскать кого-нибудь поприличнее, надо ни в коем случае не оставлять работу. Вокруг модельного бизнеса всегда крутится масса богатых мужиков. Да, сама работа — каторга не приведи господь. Это на картинках в глянцевом журнале все чинно, благородно и красиво. А пока придешь в форму, которая необходима для съемки, — не то что в камеру глядеть, жить не хочется. И проблемы с желудком, бунтующим от вечного недоедания, — это еще цветочки. А каждодневная многочасовая гимнастика? А операции постоянные — с живота и бедер последние капли жира убрать, в губы закачать? А показы, кастинги? Но игра стоит свеч.

...Впрочем, посвящать Вадима во все эти тонкости Веста не стала. Улыбнулась отрепетированной под строгим контролем президентши модельного агентства обворожительной улыбкой и сказала:

— У женщины в жизни должно быть дело.

— Было у тебя уже дело, — ехидно усмехнулся Вадим и ожесточенно засигналил заглухнувшему впереди «жигуленку».

...Веста сразу поняла, на что намекает водитель Папика. Как только с ней заключили пару приличных контрактов, журналисты заинтересовались: что за модель, откуда она. На такой случай в пиар-службе агентства всегда имеются отлакированные приличные биографии. Разогнать бы эту контору к чертовой матери! Только деньги напрасно получают. Ведь жур-

налисты всегда все пронюхивают. И Веста Каширцева не стала исключением. Писаки раскопали абсолютно все. И про родителей — алкашей поганых. И про то, как на рынке она с пятнадцати лет фрукты продавала. Одноклассники, добрые люди, ничего скрывать не стали. «Красавица Веста училась на двойки и воровала пирожки в столовой», — гласил заголовок. Все это — чистая правда. Какие уроки, когда над ухом мать с отцом бутылку поделить не могут? Какие принципы, если от голода перед глазами дрожат, расплываются яркие цветочные круги? Даже не вспомнить, как она эти пирожки крала. А когда их уминала до последней крошечки — сытая тупая радость просто заполняла ее всю, и это было так приятно. Откуда появилась еда, не имело ровным счетом никакого значения...

Она и школу поэтому бросила, и на рынок устроилась. Поближе к продуктам. Хоть какая-то да пища. Дома — шаром покати... Подгнившие бананы хозяин лотка разрешал съедать. Добродушный, как все кавказцы, он любил русских женщин. Только Веста его никогда в этом качестве не интересовала — худющая, бедно одетая, с затравленным взглядом. Да она бы до сих пор мерзла на этом занюханном рынке, если бы не Ира Суханова. Это чудо, что президентша решила провести кастинг в их провинциальном городишке. Чудо, что забежала на рынок, что в тот день работала не рыжая толстая Танька, а Веста. Разве пошла бы она сама, без приглашения, на кастинг? Да ни в жизнь, ведь и слова-то такого не знала. У нее на тот момент одна мечта имелась — колготки купить с лайкрой, в моде они тогда были. Какие показы? Какие съемки? В те годы цели казались простыми и понятными, как пять копеек. Не очоченеть